

После этой нежности Ши Цинь чувствовал себя совершенно одурманенным. Особенно когда услышал, что Цзинь Юйтин собирается отвезти его восстанавливать память. Ши Цинь уже перестал понимать, где верх, а где низ.

— Врачи говорят, нужно побывать в местах, которые были нам дороги, где у нас остались яркие воспоминания. Может быть, это поможет тебе всё вспомнить, — Цзинь Юйтин произнес это с таким благородным видом, но вот сам поступок выглядел несколько...

— Давай сегодня ходим туда, где было наше первое свидание, хорошо? Там осталось столько наших сладких воспоминаний. Циньцин, ты должен помнить.

Цзинь Юйтин сделал акцент на слове должен, словно выражая легкое недовольство амнезией Ши Циня. Впрочем, это было лишь мимолетное чувство, которое тут же развеялось по ветру — если не прислушиваться, то и вовсе не заметишь.

Но Ши Цинь был другим. Во-первых, никакой амнезии у него не было. Одно лишь осознание того, что он лжет Цзинь Юйтину и обманывает его, не давало ему покоя, а добавь к этому то самое легкое недовольство Цзинь Юйтина — и груз на душе стал еще тяжелее.

Он чувствовал себя еще более виноватым перед ним.

— Т-тогда мы должны... — Ши Цинь на самом деле не был уверен, где именно состоялось их первое свидание.

Он даже сомневался в самом понятии свидания. Если речь шла о встречах, типичных для обычных влюбленных, то у них с Цзинь Юйтином их никогда не было. В конце концов, они не были настоящей парой, так, соседи, живущие под одной крышей.

Если уж совсем напрячь память, то можно вспомнить разве что совместные походы в ресторан по праздникам, но назвать какое-то конкретное место было сложно.

Обычно, если выпадал выходной и у Цзинь Юйтина находилось время, они просто выбирали первое попавшееся заведение, чтобы вместе отметить праздник. Но выделить какое-то особенное место Ши Цинь был не в силах.

— Ты не помнишь, — с видом глубокого сожаления произнес Цзинь Юйтин. Он взял руку Ши Циня и нежно коснулся губами его пальцев. — Но ничего страшного. Я помогу тебе вернуть воспоминания, которые принадлежат нам двоим.

Ши Цинь никак не мог ожидать, что Цзинь Юйтин привезет его в парк аттракционов.

Такое место совершенно не вязалось с образом Цзинь Юйтина. Господин Цзинь, которого все привыкли видеть в деловых костюмах, — и вдруг парк развлечений, куда ходят одни подростки?

Это было очень странно.

Более того, Ши Цинь точно знал, что у них с Цзинь Юйтином не могло быть никаких общих воспоминаний, связанных с парком аттракционов. Они даже не обсуждали подобное. Какое тут первое свидание?

Неужели Цзинь Юйтин хочет внушить ему, что их первое свидание прошло здесь?

Да даже думать об этом абсурдно, это же просто невозможно!

— Циньцин, помнишь? Мы целовались в кабинке колеса обозрения. Именно тогда ты впервые признался мне в любви.

Цзинь Юйтин говорил так, будто всё это было правдой. Ши Цинь поднял голову и посмотрел на огромное колесо обозрения перед собой. Он смутно припоминал, что не катался на такой штуке с младших классов школы. И признавался Цзинь Юйтину в любви, сидя в этой кабинке?

Это уже перебор.

К тому же, когда это он успел признаться Цзинь Юйтину? Врать тоже надо в меру!

— Пойдем.

Цзинь Юйтин взял Ши Циня за руку и повел в очередь на аттракцион. Из-за выходного дня людей было много, и пока Ши Цинь на секунду отвернулся, Цзинь Юйтин неизвестно откуда достал сахарную вату и сунул ему в руку.

Ши Цинь, который давно вырос и сто лет не ел сахарную вату, смотрел на милого кролика из сахара в своих руках с каким-то странным чувством отрешенности.

Ему казалось, что они с Цзинь Юйтином — вовсе не взрослые люди. Особенно Цзинь Юйтин, который сегодня специально сменил строгий костюм на повседневную одежду. Было такое ощущение, будто они — двое старшекласников, которые сбежали с уроков, чтобы тайком сходить на свидание.

Было в этом что-то неуместное.

Ши Цинь не мог выразить это словами, но чувствовал, что что-то здесь не так.

Пока он пребывал в своих мыслях, очередь подошла к концу. Цзинь Юйтин приобнял его за талию, и они вошли в кабинку колеса обозрения. Ши Цинь едва успел сесть, как кто-то откусил кусочек от его сахарной ваты.

— Циньцин, почему ты не ешь? Несладко?

Ши Цинь действительно не ел, он просто держал вату в руках. А Цзинь Юйтин взял и откусил у кролика ухо. У такого милого кролика в одно мгновение не стало уха, зрелище было довольно жалкое.

— Попробуй, очень вкусно, только слегка приторно, — Цзинь Юйтин распробовал лакомство. — Не то, что мы ели раньше.

— Когда это мы ели? — Ши Цинь действительно хотел посмотреть, какую еще ложь выдумает Цзинь Юйтин.

Вещи, которых никогда не существовало, из уст Цзинь Юйтина звучали так правдоподобно, будто они и в самом деле были пылко влюбленной парой, ели вместе сахарную вату, катались на колесе обозрения и, как все влюбленные, любили друг друга до беспамятства.

Жаль только, что, какой бы красивой ни была эта картинка, она не имела ничего общего с реальностью.

Ши Циню не хотелось продолжать этот спектакль.

Он не желал обманывать Цзинь Юйтина.

И не хотел видеть, как Цзинь Юйтин сочиняет несуществующие моменты сладости, чтобы водить его за нос. Может, поначалу в глубине души он и испытывал некое ожидание, предвкушение, даже пытался следовать за фантазиями Цзинь Юйтина.

Но чем больше он думал, тем сильнее терял почву под ногами. Совсем как это колесо обозрения — оно медленно поднималось вверх, отрывая его от земли, лишая твердой опоры.

— Конечно, на свиданиях, — Цзинь Юйтин улыбнулся очень нежно. — Ты всегда любил просить меня купить сахарную вату, а потом, испачкавшись в сахаре, с такой сладостью на губах целовал меня.

— Я бы никогда так не поступил, — тихо возразил Ши Цинь.

Он не заметил глубокого блеска в глазах Цзинь Юйтина. Колесо медленно поднималось, еще немного — и они достигнут высшей точки. Цзинь Юйтин позвал его по имени.

— М? — только успел отозваться Ши Цинь, как его притянули за талию и накрыли губы поцелуем.

Цзинь Юйтин только что ел вату, во рту остался сладкий привкус. Этот поцелуй был приторно-сладким, проникающим в самую душу. Отстранившись, Цзинь Юйтин провел пальцем по уголку губ Ши Циня и с улыбкой сказал:

— Верно, Циньцин очень умный. Я не смог тебя обмануть. Ты действительно так не делал, потому что каждый раз, когда ты доедал свою вату, я целовал тебя.

— От сладкого Циньциня невозможно оторваться, мне всегда было мало, — выражение лица Цзинь Юйтина было полным сожаления. Он погладил Ши Циня по щеке, глядя на него с голодным блеском. — А раз ты держишь вату и не ешь, то я не могу попробовать сладкого Циньциня. Приходится брать инициативу в свои руки и самому заботиться о своем угощении.

Грудь Ши Циня тяжело вздымалась. Этот поцелуй был настоящим нарушением правил, он был пугающе сладким. Впервые Цзинь Юйтин целовал его в такой обстановке, и это был такой горячий поцелуй, что у Ши Циня закружилась голова, а сам он почувствовал, будто парит в воздухе.

Он и правда парил, ведь они были на колесе обозрения, зависнув над землей без твердой опоры под ногами.

После поцелуя колесо наконец достигло высшей точки.

Цзинь Юйтин сжал руку Ши Циня и спросил:

— Помнишь? Циньцин, здесь ты должен признаться мне в любви.

— Ч-что?

— Признаться. Сказать, что любишь меня, — Цзинь Юйтин говорил очень серьезно. — Именно здесь ты сказал, что любишь меня, признался мне и спросил, готов ли я быть с тобой. Давай повторим это еще раз, хорошо?

Цзинь Юйтин посмотрел на Ши Циня, и в его голосе проскользнула обида:

— Я перестал чувствовать твою любовь, Циньцин. После потери памяти ты стал таким холодным, что я совсем потерял чувство безопасности. Циньцин, скажи еще раз, что любишь

меня, хорошо? Признайся мне снова, дай мне понять, что ты действительно меня любишь, ладно?

<http://bllate.org/book/19084/1874188>